

А. Ю. БАЛАКИН

К ИСТОРИИ ЗАВЕРШЕНИЯ РОМАНА «ОБРЫВ»

3 марта 1867 года в фельетоне газеты «Санкт-Петербургские ведомости» была опубликована заметка, на следующий день почти дословно перепечатанная «Биржевыми ведомостями»:

«Г. Гончаров окончил новый роман, который оспаривают два лучшие петербургские журнала. Тот и другой дают требуемую автором полистную плату, тот и другой одинаково пользуются уважением романиста. Как по-решить спор? Я слышал, будто оба редактора отправятся к г. Гончарову пообедать и дружелюбно бросят жребий между собою»¹.

Эту заметку можно было бы счесть обыкновенной, не заслуживающей внимания сплетней, если б не одно обстоятельство. Её автором был Алексей Сергеевич Суворин – человек, чрезвычайно сведущий во всём, что происходило в литературном мире Петербурга. Его воскресная колонка «Недельные очерки и картинки» в «Санкт-Петербургских ведомостях», которую он вёл под псевдонимом «Незнакомец», пользовалась немалым успехом у публики. После вынужденного ухода из этой газеты в 1874 году он выпустил часть своих фельетонов в виде книжки² и продолжил под тем же названием на страницах «Биржевых ведомостей». Молодой журналист был знаком со многими известными литераторами, пользовался их симпатией и доверием. Упомянутые в заметке петербургские журналы – «Вестник Европы» и «Отечественные записки», их редакторы – М. М. Стасюлевич и Н. А. Некрасов; с обоими Суворин был прекрасно знаком. Вскоре после появления заметки между ними разгорелось заочное соревнование за право публикации нового, тогда ещё не дописанного гончаровского романа. Поэтому можно предположить, что известие о готовящемся к печати новом романе автора «Обломова» и споре за него было не просто вымыслом досужего фельетониста, а, как мы попытаемся доказать ниже, ироничным отголоском реального разговора. Во всяком случае, кажется, именно этой заметке суждено было стать тем катализатором, благодаря которому «Обрыв» был наконец закончен и опубликован.

Напомним обстоятельства, которые предшествовали её появлению.

В 1866 году профессор Санкт-Петербургского университета Михаил Матвеевич Стасюлевич начал издавать журнал «Вестник Европы». Первые

¹ Санкт-Петербургские ведомости. – 1868. – № 61. – 3 марта. – С. 2.

² См.: Суворин А. С. Очерки и картинки. Кн. 1–2. – СПб., 1875.

два года журнал выходил один раз в квартал в формате учёного сборника, с 1868 года Стасюлевич получил разрешение расширить программу, включив туда и беллетристику, а также превратить издание в ежемесячник. В это время петербургская журналистика переживала не лучшие времена: в 1865 году прекратился журнал «Эпоха», в 1866-м были закрыты «Русское слово» и «Современник», а «Отечественные записки» уже несколько лет пребывали в кризисе. Стасюлевич понимал, что должен воспользоваться этим исключительно благоприятным для себя моментом и постараться собрать в своём журнале лучшие литературные силы.

Для этого он, в частности, обратился за помощью к своему коллеге по Литературному фонду П. В. Анненкову. Ещё в июне Анненков предлагал Стасюлевичу для публикации рассказ Тургенева «Бригадир» («...представленный в мое распоряжение и который я решительно не знаю где поместить»)¹ и сообщал адрес его автора, «если вздумаете пригласить его <...> на постоянное сотрудничество в Вест<ник> Европы»². Воспользовавшись случаем, Стасюлевич в письме из Пирмонта от 4 (16) июля 1867 года спросил Анненкова также о творческих планах автора «Обломова»: «Вы также хорошо, кажется, знакомы с Гончаровым; нельзя ли Вам и у него понаведаться: нет ли чего?»³. Эта же просьба была повторена в следующем письме, от 10 (22) июля: «Да и относительно Гончарова, посоветуйте, не спеет ли какой фрукт в его саду?»⁴. Анненков ответил редактору «Вестника Европы» 16 июля: «Гончаров <...> за границей, в Бадене кажется. Не мешает Вам обратиться к нему с предложением сотрудничества, узнав на месте, где он обретается, разумеется. Советую только предварительно набить руку, посредством упражнения, в составлении восточных гипербол и бухарских форм переписки. Он это любит и будьте уверены, что вы еще не изобретете такого чудовищного сравнения, которое показалось бы ему лестию. Всего лучше послать такое письмо на имя Тургенева; он знает адрес сего Емира»⁵. Однако, Стасюлевич не воспользовался советом старшего товарища. «За ответ относительно Гонч<арова> благодарю, – писал он Анненкову 23 июля (4 августа), – но вот в чем беда! Из всех восточных гипербол я не знаю самой важной и самой обыкновенной, а именно: я не знаю его имени и отчества; помнится одно, что его имя начинается как у Тургенева, а конец, кажется, не тот. За этим препятствием я и остановился ему писать; впрочем, поспею из Петербурга, куда мне бедному приходится вернуться к 10 августа»⁶.

Гончаров действительно летом 1867 года был в Бадене, куда уехал с надеждой продолжить свой недописанный роман «Эпизоды из жизни Рай-

¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. – СПб., 1912. – С. 293.

² Там же. С. 294.

³ ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 16 об.

⁴ Там же. Л. 18 об.

⁵ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3 – СПб., 1912. – С. 295–296.

⁶ ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 21 об. – 22.

ского». Три его фрагмента были опубликованы ещё в начале 1860-х годов¹, затем работа застопорилась, и к тому времени были написаны лишь три части из предполагавшихся поначалу четырёх. Но и этим летом Гончаров не испытал творческого подъёма, работал мало, в его письмах сквозит усталость и апатия². Он вернулся в Петербург 1 сентября с желанием «оставить вовсе роман, не дописывая»³ и погрузился в служебную деятельность на посту члена Совета по делам книгопечатания – до выхода в отставку, последовавшую 29 декабря, ему оставалось четыре месяца.

О настроении Гончарова и его занятиях в первые месяцы 1868 года отчасти можно судить по его письмам Тургеневу. Их переписка возобновилась в январе, когда Тургенев, ещё не зная, что Гончаров вышел в отставку, обратился к нему с просьбой посодействовать запрещению ввоза в Россию контрафактного издания его романа «Дым», выпущенного в Берлине. В этом же письме содержался вопрос о литературных занятиях Гончарова, заданный в очень осторожной форме: Тургеневу, конечно, был памятен их известный конфликт восьмилетней давности. «Что Вы поделываете хорошего, с тех пор как улетели отсюда на берега моря вместе с Феоктистовыми <...>? Так же ли спокойно и однообразно бежали дни – или выдалось что-нибудь новое – хотя бы в форме припадка сочинительства? Последнее было бы великим счастьем для читающей публики»⁴.

Гончаров ответил 10 (22) января⁵; его письмо чрезвычайно любопытно как психологический документ и, несомненно, нуждается в развёрнутом комментарии. Внешне соблюдается максимально непринуждённый, дружеский тон, однако нельзя отделаться от ощущения, что каждое слово

---

¹ Эти публикации включены в изд.: *Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 8. Кн. 1.* – СПб., 2008. – С. 5–114.

² Об этом см.: *Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...»* (Творческая история романа «Обрыв») // *Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.* – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – С. 125.

³ *Гончаров И. А. Необыкновенная история* // *Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.* – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – С. 219. Ср. там же: «...в Петербурге, под серым небом, большею частью в дурную погоду, мне не писалось» (С. 210).

⁴ И. С. Тургенев – И. А. Гончарову, 2 (14) января 1868 г. // *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 8.* – М., 1990. – С. 93.

⁵ На подлиннике стоит дата: «10/22 февр. 1868» (ИРЛИ. № 5779. Л. 17); под этой датой письмо публиковалось во всех изданиях, однако она вне всякого сомнения является ошибочной, что ещё в 1977 году обосновала О. В. Якимова (см.: *Литературное наследство. Т. 87.* – М.: Наука, 1977. – С. 605–606); к её аргументам следует добавить также, что 8-м января датируется письмо Гончарова начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Похвисневу с ходатайством по поводу «Дыма» (см.: *Блинчевская М. Неизвестные письма И. А. Гончарова // Вопросы литературы.* – 1962. – № 6. – С. 183; письмо хранится в ОПИ ГИМ, не опубликовано), о котором он упоминает как о написанном на следующий день после получения цитированного выше тургеневского письма от 2 (14) января. К сожалению, сообщение О. В. Якимовой не было учтено исследователями, и ошибочная авторская дата не исправлена до сих пор (см., в частности: *Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8.* – М.: Худ. лит., 1980. – С. 322; *Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. Т. 2.* – М., 1986. – С. 174; *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1867–1870) / сост. Н. Н. Мостовская.* – СПб., 1997. – С. 59).

старательно взвешивается, чтобы избежать случайных проговорок и не сообщить своему бывшему (как показали дальнейшие события – и будущему) литературному недругу ничего о своих творческих планах.

Начинается письмо с сообщения об отставке, последствия которой Гончаров комментирует так: «Прослужив 30 лет, я счел себя вправе успокоиться и отдохнуть, все, что мне теперь остается, так как свобода теперь для меня – мертвое благо, которым я не могу воспользоваться производительно. К тому же могу сказать про себя: “но не всегда мила свобода тому, кто к неге (то есть к жалованью) приучен” – понеже пенсия <...> дает средства – существовать, но без всякой неги, даже без хороших сигар, которые, если пожелаю курить – должен выкидывать какие-нибудь литературные штуки, а между тем не чувствую к таковым ни охоты, ни сил»¹. Отметим, что это пишется тогда, когда если ещё не осуществляется, то уже задумывается переиздание «Обыкновенной истории», которое выйдет из печати через два месяца, в начале марта, и текст которого был автором тщательно пересмотрен². Между тем Гончаров не счёл нужным сообщать об этом своему корреспонденту, отделавшись гладкой, ни к чему не обязывающей фразой про «литературные штуки». Далее он сообщает Тургеневу о том, какие принял меры по его просьбе, а потом отвечает на вопрос о «припадке сочинительства»: «Вы спрашиваете, пишу ли я: да нет. Может быть, попробовал бы, если б не задался давно известной Вам, неудобноисполнимой задачей, которая, как жернов, висит у меня на шее и мешает поворотиться. Да и какое писанье теперь, в мои лета. Боткин называет все написанное в этих тетрадах разбитым барельефом и советует так и напечатать: так, но ведь надо бы кончить, а у меня моральная невралгия в пальцах. Читал я Феоктистовым, буду на днях читать Толстым; многое хвалят, а все остальное возбуждает вопросы и объяснения как материяль»³.

Сразу обратим внимание, что на дипломатичный, совершенно необязательный вопрос Гончаров отвечает серьёзно и подробно, сразу сводя разговор к своему неоконченному роману. Он мотивирует своё творческое молчание и своим возрастом, и тем, что не хочет писать ничего нового, не осуществив давнишний, хорошо известный Тургеневу замысел. Но при этом тут же, ссылаясь на мнение Боткина, намекает, что не исключает возможности напечатать свой роман, не завершив его, а тем более не отказывается читать уже написанное друзьям⁴. За всем этим видится старая

¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 322 (уточнено по подлиннику: ИРЛИ, № 5779, л. 17).

² См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 687–689 (примеч. Т. И. Орнатской).

³ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 322 (уточнено по подлиннику: ИРЛИ, № 5779, л. 17 об. – 18).

⁴ Следует заметить, что Гончаров едва ли мог читать роман по черновой рукописи; очевидно, это были копии, выполненные В. М. Кирмаловым (первая часть) и Ек. П. Майковой (вторая и третья части). Таким образом, зная дату окончания сотрудничества Майковой с Гончаровым, можно ставить вопрос, в каком объёме знакомил своих слушателей со своим романом Гончаров в 1867 и 1868 годах.

боязнь Гончарова, что Тургенев опять посягает на его творческие замыслы, пытается добыть сведения о движении сюжета романа, чтобы снова извлечь материал для собственных повестей и рассказов. Между тем у нас нет свидетельств того, что Гончаров читал кому-либо будущий «Обрыв» в 1867-м и зимой 1868 года. Если же чтение Феокистовым действительно имело место, то состоялось оно скорее всего летом, когда они вместе отдыхали в Баден-Бадене, чтение у Толстых состоится значительно позже, почти через два месяца.

Спустя же две недели, в следующем письме к Тургеневу от 22 января (3 февраля)¹ Гончаров после обязательных слов о «разных недугах», «упадке или раздражении нерв» снова заговаривает о романе и об интересе к нему со стороны его знакомых: «А между тем ко мне все пристают с романом, когда, где – и уж распустили слух, что я и печатаю! Мне кажется, что все смеются надо мной, в том числе и Вы (тоже спросили в последнем письме: “что-мол – пишете ли?”): как будто не видите и не знаете, что я уж от-писал и больше писать не могу. Толстые теперь желают послушать: Боткин им наказал, что у меня есть какой-то *разбитый* “барельеф”. Ну да Бог с Вами: смейтесь, хотя это невеликодушно – сделать, кончить свое дело с торжеством, с блеском, да и потрунить над отставшим лентяем и калекой»². В последней фразе уже ясно видны зачатки того душевного состояния, той подозрительной ревности, которая спустя десять лет приведёт Гончарова к созданию «Необыкновенной истории», полной нелепых обвинений в адрес Тургенева и его литературных друзей. Здесь же это пока прячется под маской добродушной иронии и самоиронии, но про дело, конченное «с торжеством и блеском», то есть про серию получивших всероссийское признание романов и повестей Тургенева, идеи и сюжеты которых, по мнению Гончарова, были украдены из его неоконченного романа, говорится всерьёз. Думается, преувеличением является и сообщение про распространившиеся слухи о новом романе и о том, что он собирается его печатать. И вот почему.

Вот как вспоминал о том времени Гончаров: «С 1867 на 1868 год здесь провели зиму граф Алексей Константинович Толстой <...> с женою, – писал он в «Необыкновенной истории». – Его все любили за ум, за талант, но всего более за его добрый, открытый, честный и всегда веселый характер. Все льнули к ним, как мухи; в доме у них постоянно была толпа – и так как граф был ровен и одинаково любезен и радушен со всеми, то у него собирались люди всех состояний, званий, умов, талантов, между прочим, beau monde³, где у него были и родство и дружба. <...> Мы сблизились с

¹ В подлиннике ошибка: 9 февраля (ИРЛИ. № 5779. Л. 15).

² ИРЛИ. № 5779. Л. 16 – 16 об. В единственной публикации этого письма (И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкинского Дома. – Пб., 1923. – С. 57–60) цитированный фрагмент напечатан с важным пропуском и неточностями.

³ Высшего света (*франц.*).

ним еще прежде, в Карлсбаде, а тут *виделись каждый день*. Они звали меня беспрестанно – и я бывал *почти ежедневно у них*¹. В то же время наряду с Боткиным и Гончаровым постоянным посетителем дома Толстых был и Стасюлевич, ещё летом прошлого года высказывавший желание привлечь автора «Обломова» к сотрудничеству в своём журнале. Постоянным гостем Толстого редактор «Вестника Европы» стал с начала ноября 1867 года, и это знакомство вскоре переросло в настоящую дружбу. Стасюлевич бывал у Толстых по понедельникам, а кроме того посещал литературные чтения и музыкальные вечера: в его письмах к жене² часто упоминается об обедах и вечерах у графа, где его «полюбили и принимают, как родного»³. О регулярном же участии в этих вечерах Гончарова не находится свидетельств ни в переписке, ни в дневниках, ни в мемуарах современников. Это заставляет отнестись к словам автора «Обрыва» о каждодневных встречах с Толстым с определённым недоверием. Впрочем, Стасюлевич и Гончаров часто встречаться у Толстых едва ли могли, поскольку посещали салон графа в разные дни недели: первый бывал по понедельникам, а второй по четвергам⁴.

У нас нет свидетельств того, когда Гончаров познакомился с редактором «Вестника Европы», однако к середине января они уже должны были быть знакомы. 18 (30) января 1868 года Стасюлевич писал жене: «...меня звал на литературный вечер Безобразов. Публика у него оказалась самая блестящая: Николай и Георгий Лейхтенбергские, гр. Литке, графини Толстые (муж все еще не вернулся из-за границы), Гончаров, Майков, множество академиков и т. д. и т. д. Майков читал свои сочинения; я пробыл там до 12 ч. и сейчас вернулся домой»⁵. Через несколько дней Стасюлевич задумал дать обед в честь выхода первых двух номеров «Вестника Европы» (которые объединялись в один том), и 29 января (10 февраля) писал жене: «...уже все при-

¹ Гончаров И. А. Необыкновенная история // Литературное наследство. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – С. 219. Курсив наш. – А. Б.

² Во второй половине 1867 года Л. И. Стасюлевич уехала на лечение за границу, с того времени М. М. Стасюлевич писал ей каждый день, подробно сообщая о своих повседневных делах. К сожалению, эти письма сохранились далеко не все: очевидно, значительная часть их была изъята и уничтожена вскоре после смерти Стасюлевича. Об этом можно судить по тому, что в распоряжении М. К. Лемке, редактора издания «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», были уже только те письма, что дошли до нас; фрагменты из них он обильно цитировал в примечаниях к этому изданию. Несколько неопубликованных фрагментов было напечатано Н. Г. Розенблюмом (Русская литература. – 1969. – № 1. – С. 166–167) и процитировано В. Е. Кельнером в книге «Человек своего времени: М. М. Стасюлевич: Издательское дело и либеральная оппозиция» (СПб., 1993. Гл. III).

³ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 2. – СПб., 1912. – С. 305.

⁴ В одном из писем к Тургеневу (о котором ниже), Гончаров сообщал: «Мы часто видимся с Алексеем Толстым: он с женой живет недалеко от меня ... и имеет четверги» (Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. – М., 1980. – С. 323).

⁵ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 72. Частично процитировано: Кельнер В. Е. Человек своего времени: М. М. Стасюлевич: Издательское дело и либеральная оппозиция. – СПб., 1993. – С. 36.

глашены; а если ты знаешь тех, кто писал в 1 томе (январь–февраль), то ты знаешь и гостей. <...> Из не-писавших в первом томе будут только трое: Егор П. Ковалевский, Гончаров и Корш. Первые двое, как будущие сотрудники, а последний как представитель ежедневной прессы. Гр. Толстой сегодня вечером вернулся из Веймара; я был у них вечером <...>, и он приехал при мне, так как машина [т. е. паровоз; имеется в виду поезд. – А. Б.] пришла только в 10 час. вечера. Всех гостей будет 16, и я думаю, что обед удастся, т. е. не будет натянут. За тем в пятницу следует обед литературного фонда, а в субботу литературный вечер в память Крылова. С четверга всю неделю будем кутить до самой масленицы»¹. Здесь обращает на себя внимание контекст упоминания Гончарова. Стасюлевич, несомненно, рассчитывает на сотрудничество маститого писателя, но пока явно не представляет, в каких формах это может быть осуществлено. Следующий раз редактор «Вестника Европы» видится с Гончаровым 5 февраля – и снова никаких упоминаний о романе, хотя, как видно из письма, Стасюлевич активно пользовался возможностью посещать общество Толстых для вербовки будущих сотрудников: «Обедал сегодня у <А. К.> Толстого <...> У Толстых мне всегда хорошо; хотя общество было большое, но милое и полезное для меня. Между прочим с нами обедал Гончаров и Майков (поэт)»². Подобные нейтральные упоминания имени Гончарова в письмах к жене означают, что ни осенью 1867 года, ни в первые два месяца следующего Стасюлевич ничего не знал о том, что имеется в портфеле автора «Обломова». Невозможно представить, чтобы слухи о новом романе Гончарова прошли мимо Стасюлевича, и, значит, переговоры о его публикации начались бы уже в январе или даже раньше.

С другой стороны, в беллетристике нуждался и редактор другого, фактически нового петербургского журнала – Н. А. Некрасов, с 1868 года ставший во главе «Отечественных записок». Уж этот-то человек точно находился в эпицентре литературных новостей и слухов и не преминул бы обратиться к Гончарову с самым заманчивым предложением относительно публикации его романа. В скобках заметим, что спустя некоторое время так и произойдет.

Между тем проходит февраль – и никто из редакторов не проявляет к Гончарову и его незаконченному роману (с вопросами о котором якобы к нему «все пристают») никакого интереса. И вот тут случается событие, после которого, как кажется, дело сдвигается с мёртвой точки. В пятницу 1 марта в доме В. П. Боткина А. К. Толстой устраивает чтение только что законченной им пьесы «Царь Федор Иоаннович», которую предназначил для «Вестника Европы». На это чтение были приглашены люди, знавшие ситуацию с гончаровским романом и заинтересованные как в том, чтобы он был наконец завершен и напечатан, так и в том, чтобы «Вестник Ев-

¹ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 78 – 78 об.

² М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке Т. 2. – СПб., 1912. – С. 306–307.

ропы» получил первоклассную художественную вещь – А. В. Никитенко, П. В. Анненков, А. Н. Майков. Присутствовали также и Гончаров со Стасюлевичем.

Сейчас мы можем только строить предположения о том, как происходило это чтение и как повернулся разговор после него. Хотя дневниковую запись о нём оставил Никитенко, в ней говорится только о впечатлении от самой пьесы¹. Однако мы почти не сомневаемся: известие о том, что в портфеле Гончарова есть прекрасный, но не завершённый роман, Стасюлевич услышал именно в тот день. Попробуем реконструировать ход событий. Возможно, после чтения слушатели заговорили о том, где и когда «Царь Федор Иоаннович» будет напечатан, после этого зашла речь о «Вестнике Европы» и о его новом лице, о том, как ему нужны художественные произведения – и кто-нибудь из осведомлённых людей (вероятнее всего, сам хозяин дома) обратился к Гончарову с вопросом, когда же будет завершён его роман и не хотел ли бы он отдать его Стасюлевичу. Разумеется, Гончаров ответил примерно то же, что мы читали выше в его письмах к Тургеневу. Но зерно уже было брошено: Гончаров увидел неподдельный интерес к своему задушевному детищу, Стасюлевич узнал про его существование. Спустя два дня в «Санкт-Петербургских ведомостях» появится приведённая в начале статьи заметка.

Чрезвычайно показательно, что Гончаров счёл необходимым на неё отреагировать. 6 марта в газете А. А. Краевского «Голос», которую регулярно читал и в которой время от времени сотрудничал писатель, появилось опровержение: «И. А. Гончаров просил нас заявить, что помещенное между литературными новостями в “Санктпетербургских ведомостях” 3-го марта и повторенное на другой день в “Биржевых ведомостях” известие о том, что он кончил новый роман и готовится печатать его в одном из журналов, неверно, что он не занимается окончанием никакого романа и в настоящее время не готовит ничего для печати»². Но было поздно: забавный сюжет о ничего не пишущем мэтре и редакторском обеде стал достоянием публики – и жёлтой прессы.

На следующий день известие о гончаровском заявлении было опубликовано в «Петербургском листке» под ехидным заглавием «Романист, публично заявляющий о своей бездеятельности»³, а ещё через три дня оно было подробно обсуждено в фельетоне той же газеты: «Поговорив еще несколько времени с добрым обывателем, я узнал, что г. Незнакомец большой руки мечтатель, ибо и новый роман г. Гончарова, и жребий, который собрались кинуть два редактора лучших журналов <...> все это оказалось мечтами художника, хотя и оплаченными по пяти копеек за строчку, но тем не менее

¹ См.: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. 3. – Л., 1956. – С. 115–116.

² Голос. – 1868. – №66. – 6 (18) марта. – С. 3. Предлагаем рассмотреть вопрос о внесении этого текста в состав переписки Гончарова, в раздел дополнений.

³ Петербургский листок. – 1868. – № 31. – 7 марта.

все-таки мечтами бесценными... Мне даже стало чуточку досадно, что я не прочту произведения “почтенного” – как выражаются про литературных генералов – писателя и что фельетон заставил было меня ждать и вдруг разочаровываться, так как сам (слышите ли, сам) г. Гончаров просил заявить (в “Голосе”), что он ничего не готовит для печати и не пишет никакого романа. Что же касается до того: собираются ли к нему, к г. Гончарову, на обед два редактора лучших журналов – это в заявлении не объяснено, и потому я нахожусь в затруднении – верить ли фельетонисту или нет... Склоняюсь больше в пользу веры, ибо полагаю, что редакторы вообще, а тем более лучших наших журналов, не прочь пообедать (и, вероятно, пообедать не дурно) в компании с нашим почтенным романистом».¹

Судя по всему, в это время уже полным ходом Стасюлевич ведёт переговоры с Гончаровым, пытаюсь уговорить его закончить роман и отдать его в «Вестник Европы». 20 марта он пишет жене: «Зашел к Гончарову, и, кажется, что порешил с его романом. Сам удивляюсь себе, как это мне удастся обделывать подобные дела, когда мои конкуренты, как Некрасов, и опытнее меня и гораздо ловче. Но это – величайший секрет, и я никому не рассказываю об этом деле».² Из контекста очевидно, что упомянутый разговор о романе был далеко не первым, а также что Некрасов, видимо, поверил гончаровскому опровержению и не воспринял фельетон Суворина всерьёз. Он обратится к Гончарову только в мае, когда уже будет поздно. Впрочем, дальнейшие события показали, что Стасюлевич рано радовался: ему предстояло провести со своим будущим автором ещё не одну деловую беседу, окончательно склоняя на свою сторону и тщательно обговаривая все детали. Последний раунд переговоров состоялся аж 22 апреля. До этого несколько дней в обстановке крайней секретности Гончаров у Толстых читал им и Стасюлевичу написанное ранее. В это время о гончаровском заявлении, что он ничего не пишет, в «Искре» вспоминает Д. Д. Минаев: «Что публика совершенно охладела к современной литературе – это несомненный факт; что это охлаждение совершенно извинительно и законно, тоже – факт несомненный. Лучшие русские деятели измельчали и опошилились, и из старых наших беллетристов только один г. Гончаров, по моему мнению, оказался самым благоразумным из всех, и потому только, что умел вовремя замолчать и не пишет теперь ни строчки».³

Это было написано в том момент, когда из печати только что вышли первые тома «Войны и мира», когда в «Русском вестнике» начал публиковаться «Идиот», когда наконец в завершающую фазу вступала долгая творческая история романа, который через полгода обретёт название «Обрыв».

---

¹ <Б. п.>. Фельетонные наброски // Петербургский листок. – 1868. – № 33. – 10 марта. Автором этого фельетона скорее всего был редактор газеты А. А. Соколов.

² М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. – СПб., – 1912. – С. 1.

³ Искра. – 1868. – № 13. – 14 апреля. – С. 162. Подпись: Литературное Домино.

ПРАВИТЕЛЬСТВО УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА
ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР-МУЗЕЙ И. А. ГОНЧАРОВА

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И. А. ГОНЧАРОВА**

Ульяновск
2012